

Книги пишутся, когда женщина спит

— Человеку, хоть слегка читающему, не заметить вас нельзя. Даже необязательно, простите, покупать ваши толстые и очень ироничные романы. Просто газеты-журналы полны рецензий на очередную, только вышедшую книгу. Вы будто кинозвезда — везде фото Патрика Бессона в его модных очках. Как вам так быстро пишется? Ведь вы же ко всему прочему трудитесь в издательстве Роше от 11 до 12.

— У меня есть время. Хочется взяться за перо, и оно появляется. Пока моя женщина спит, я пишу. Она просыпается, и мне не до рукописи. Бывает, не подхожу к столу месяцами: оказывается, что нет времени. Но появляется желание, и на книгу «Рококо» у меня уходит десять радостных дней.

— Все ваши романы серьезные, а такие, как «Статуя командора» о Пушкине или последний «Джулиус и Исаак» о маккартизме, иначе, чем очень и очень серьезными, не назовешь. Вас не смущает, что литературу наивысшего полета во Франции читают лишь каждый третий?

— Не беспокоит ничуть. Поэмы вашего и моего Александра Сергеевича в его эпоху читали по три тысячи любителей словесности. А меня, и это согревает, раскулачивают молодые интеллектуалы. Среди них левых побольше, чем правых.

— Это, быть может, и благодаря вашему задиристому прошлому.

— Когда ты богат — времени всегда в обрез. Веден — его гораздо больше, и ты волен обогащать себя. Духовно.

— А может, скажете спасибо «Юманите»? Раньше боевой орган ФКП ваши фельетоны публиковал чуть не раз в неделю.

— Бывало и чаще. То была единственная в мире работа, которую я выполнял так же добровольно, как и бесплатно.

— Патрик, вопрос во Франции полузапретный: знаменитый и популярный писатель Бессон — он, что, коммунист?

— Когда «Юма» взялась печатать мой колонки, а я их сочинять, все решили, что этот Бессон примерный член ФКП.

Во Франции антикоммунизм гораздо глубже, чем вы предполагаете, и потому я действительно подал знак протеста, вступив в партию. Получил карточку и вдруг ощутил, что свободы у меня в обрез. Редакторы «Юманите» следили за статьями более пристально, а я не мог, состоя в организации, реагировать на события так, как мне хотелось. Я был полностью парализован, покинул партию и тут же обрел прежнюю свободу, которая вернула мне политическую мощь и литературную раскрепощенность. Парадоксально, однако и отношения с газетой снова улучшились. Чем не доказательство, что даже в демократической стране писателем-коммунистом быть нельзя? Давят на партию, а партия давит тебя.

— И все-таки меня всегда поражало, что в современной французской литературе, особенно довоенной и послевоенной, парила единомышленники Арагона, Сартра, Трюфо. Они вместе с десятками почти таких же известных и с сотнями менее знаменитых тяготея к идеям если не коммунистическим, то к ним близким.

— Возможно, до пятидесятих годов такая позиция имела под собою почву? Популярная идея вылилась достижимой. Да и невозможно плыть по собственному писательскому течению. В традициях литературы отдавать

Не только написать, но и успеть издать к 37 годам 25 книг — такое сегодня в Париже не удавалось никому. Кроме Патрика Бессона, чье имя во Франции символ писательского успеха.

предпочтение и становиться на чью-нибудь сторону. Сейчас форма ангажированности изменилась. Нужно выбирать, но не записываясь в послушные партийные члены. Карточка ни к чему. Она сковывает, заставляет невольно замыкаться в ограниченном круге идей и принципов. Сейчас есть против чего биться, и за нами, литераторами, ручаюсь, пойдут. У писателей мира и противники — общие. Во Франции это, например, Ле Пен, опытный демагог, уверенно клеймящий наивысших врагов человечества — эмигрантов, коммунистов, черных. Но Ле Пен теперь превратился в явление общеевропейское. Можно схватиться с расизмом. Поехать за права человека, и победа наша неизбежна.

— Патрик, вы, по-моему, склонны переоценивать и успехи, и возможности коллег.

— Ничуть. Кому люди могут верить? Не журналистам же и не политикам. А мы публика более свободная, над нами не довлеет табу. Посмотрите, что проделал незамысловатый драматург Гавел в Праге. Бархатная революция, бескровный раздел страны. А писатель Гавел весьма средненький, читаешь его с натугой. Зато в политике он могуч.

— У вас нет чувства, что за Гавелом пошла, потому что он тянул именно вправо, а не влево? И весь мир сходит сейчас подале от социализма, от идей прекрасных в теории и начисто отвергнутых на практике.

— Ну вы впадаете в столь притягательный примитивизм. Социализм, этот строй-эксперимент, распался не сам по себе из-за слабости идей. Его победил соперник более опытный и изощренный. Экономическая война тянулась десятилетиями, и все достижения социализма после поражения словно канули, были успешно потеряны и украдены. Вопрос теперь в ином: принесет ли капитализм счастье, ожидаемое с раскрытыми ртами? Лично я не уверен. Даже многие не желающие и вспоминая о красном цвете, разочарованы. Разрыв между бедностью и богатством сделался более заметен. И если тебе, жалкому, плохо, то расстраиваешься горше прежнего, ибо наблюдаешь с завистью чужое роскошество. Однако парадоксально звучит или нет, но люди больше верят в тех, кто сыграл крупную и разбогател, чем в себе равных, тратящих энергию на защиту твоих же интересов. Вера во владельцев замков гораздо глубже, чем у обитателей скромных жилищ по соседству с вашей.

Да, мир резко наклонился в правую сторону. Такова современная история: нас бро-

сает то резко влево, то вправо. Мы это уже проходили. Так есть ли повод впадать в истерику? Действительно, СССР разрушен. Но только ли Союз Советских Социалистических Республик рухнул? Среди главных проигравших, конечно, Ленин. Однако, мне кажется, распалась империя, собиравшаяся и вашими царями из недобровольно присоединявшихся народов. Так что проиграли и Николай II, и Александр I, и даже мой любимый Лев Толстой, покорявший вместе с другими писателями-классиками чужие — кавказские, например, земли. Говорят, проиграла Россия. Какая? Россия царей и имперских замыслов, которой нанесен удар. Его было не избежать: дамоклов меч обязан был опуститься.

— Патрик, но как вам такое — некогда могучая страна в страшной беде, а Запад, который радостно перетягивал ее к себе, щедр лишь на обещания? Клятвенные заверения в помощи, и за ними почти ничего.

— А вы чего ждали? Впервые, вас уже перетянули и порешили на том ограничиться. Во-вторых, вы слишком долго — чуть не семь лет — оставались звездой, и мы вами перекормлены. Франция объялась советскими новостями, точнее, новостями о Горбачеве, 100 интервью с ним и 100 тысяч интервью о нем. И что поразительно: он преподносился публике в любом виде и поглощался в любых количествах. Сегодня, когда молодое государство по-настоящему нуждается во внимании, его словно в отместку нет и не будет. Вам говорят: мы сыты вами по горло и выбирайтесь из своего дерьма сами. Раньше любое известие из СССР встречалось с криком «ой!», а в последние полтора года сюжетец по ТВ или статья в газете — редкость.

— Но вы-то в курсе наших невзгод...

— Я-то да, но попытался предложить моему издательству как-то пробудить интерес, выпустить серию книг современных российских авторов, и был поставлен на место. Изучение рынка показало твердо: интереса никакого.

— Месье Бессон, если вы в курсе наших книжных новин, то, естественно, прослышали и о нашем литературном противостоянии.

— У меня на этот счет введена собственная теория. Я согласен, что в России поэт больше, чем поэт, но за полвека вынужденного молчания ваши писатели не могли не сойти с ума. И в результате, когда обет молчания сняли, они взорвались. Это же в традициях Гоголя, Пушкина. Русский писатель страдает не только за свое творчество, но и за весь народ, за человечество. Для многих и во все исторические эпохи литература на этом и заканчивалась, ибо нельзя водить пером, если сердце отдано борьбе. Знаете, что хорошего сделал сталинизм?

— Знаю: абсолютно ничего.

— Кроме одного, совершенного вопреки его разрушительной логике: запретил писателям заниматься политикой, и таланты были вынуждены посвятить себя написанию шедевров, содержание которых было выше каких-либо политических подзоров. Режим сделал многих бессмертными...

— ...А многих именно смертными.

— ...Возведя в ореол мучеников Есенина, Бабеля. То же самое он невольно проделал с Булгаковым, которого я считаю мэтром всей русской литературы после 1917-го.

— Спасибо, товарищ Сталин.

— Да я его ненавижу, как и все нормальные люди. Это из-за него в России не смог появиться гений ранга Пушкина. Гениям в сталинскую пору было отказано. А не гении очень старались, неплохо сочиняли и легко убеждали себя в собственной гениальности. Ошибались. Жемчужинам, подобно магически появившимся в 20-е Цветаевой, Ахматовой, даже Маяковскому, вырасти было не дано.

— Но и в 80-е, 90-е, когда жаловаться на отсутствие свобод грешно, великих как-то не чересчур много.

— Откуда же? С 1775 по 1820 во Франции вообще не рождалось литераторов. Вершилась Великая революция. У вас сейчас похожее. В период политических потрясений, когда вокруг полная зыбкость, писатели тоже погружены в неведение и вешать истины не способны. Повести за собой в битву, как пытаются в России? Пожалуйст! К книжному прилавку? Вряд ли. У вас вершится история, а она всегда и везде была против писателей.

— Почему же?

— Потому что историю пишут не сны, у нее — миллионы авторов. В России глубина потрясений такова, что вряд ли писательское перо в силах немедленно постичь подлинную их значимость. Но я почти уверен: начала веков — 19-го, 20-го — всегда были благоприятны для русской литературы. В 2015-м — 2020-м в России родятся новые гении.

— Долго что-то ждать.

— Вы ждали в своей истории и дольше.

— А кого из сегодня творящих вы почитаете выше остальных?

— В великих превращаются лишь те, у кого доставало смелости. Не было б ее, и Бродский как поэт умер бы. А у него был хороший судья, который оценивал по достоинству.

— Это кто же?

— Партийная диктатура. К талантливым отношу Валентина Распутина, Чингиза Айтматова. Даже написал сагу «Семья Айтматова». И поэты у вас достойные: Вознесенский, Евтушенко, Пастернак. Я вообще считаю, что у мировой поэзии русская душа. Ваши повествования более доступны читателю, чем написанное нами или англосаксонцами. А возьмите французских литераторов русского происхождения: хоть и пишут на французском, а так понятны. Я для себя, не для публики, вывел объяснение. Русский народ поговорливее, пообщительнее многих западных. Общение друг с другом натренировывает на определенный лад: ты должен быть понятен людям. А писатели — они, что, не люди?

— Месье Бессон, благодарю за беседу. В конце, после ваших пассажей, потянуло спросить: вы случайно не Бессонов?

...Патрик лишь засмеялся, сверкнув легендарными очками.

Уже потом выяснилось, что журналист я из догадливых. Не Бессонов, конечно, но русская кровушка бегаёт. Может, отсюда и такой успех?

Беседу вел
Н. ДОЛГОПолов.
Париж — Москва.